

Перед тем как проверить железу, врач настоял на полном осмотре Ци Ханя — опасался, что внешнее выздоровление лишь иллюзия, вызванная притуплением боли, а не реальным улучшением.

К несчастью, он оказался прав.

Помимо заживших, но ещё медленно восстанавливающихся ран, у Ци Ханя были повреждены сердце и лёгкие, а воспаление железы уже продолжалось двое суток.

Фу Гэ застыл, услышав это. Вина налегла тяжестью — он ведь был так близко, мог бы заметить, но не заметил, не догадался.

— Всё нормально, правда, малыш. — Ци Хань потянулся к нему, уголки губ поднялись в мягкой, едва уловимой улыбке. — Я чувствую себя прекрасно. Просто чувствительность понизилась, но это не значит, что боль исчезла. Если бы мне действительно было плохо, я бы сразу сказал.

Фу Гэ наклонился, коснулся его лба своим, голос стал тихим, тёплым:

— Тогда пообещай мне, что эти дни ты будешь вести себя спокойно. Будем лечиться, пока всё не пройдёт. Я не хочу, чтобы остались последствия.

— Конечно, крошка. Я же самый послушный, ты же знаешь.

Когда дошло до осмотра железы, Ци Хань настоял, чтобы Фу Гэ не присутствовал. Он прекрасно знал, насколько отвратительным будет этот процесс: гной, мёртвая ткань, едкий запах воспаления — зрелище не для слабонервных. А он не хотел, чтобы Фу Гэ это видел.

Даже несмотря на приглушённую боль, он обливался холодным потом.

Врач, не теряя времени, сорвал наружный слой гниющей ткани — под ним скопился гной, смешанный с феромонами. Всё это надо было тщательно прочистить, обработать спиртом, вплоть до розовой, свежей, едва образовавшейся плоти.

Только после этого можно было приступать к тесту. Первым делом — взять двадцать миллилитров феромона мягкой иглой.

— Господин председатель, начинаем? — врач замешкался, не решаясь продолжать. — Господин Фу велел обязательно позвать его, прежде чем использовать иглу.

Ци Хань медленно моргнул, глубоко вздохнул и развернулся спиной.

— Не зови его. — Голос звучал ровно, без колебаний. — Если он увидит, будет только волноваться. Давай быстро закончим.

— Хорошо.

— Что — хорошо?

Резкий голос прозвучал от двери.

Фу Гэ стоял на пороге, прищурил глаза, и его взгляд тут же уцепился за врача и Ци Ханя.

— Доктор Лю, он устраивает цирк, а ты ему подыгрываешь?!

Врач смущённо поднял руки, Ци Хань тяжело вздохнул, ощущая, как назревает буря.

— Гэ...

— Я тебе не брат. Ты даже укол делаешь за моей спиной.

Сердце дернулось, застыло на миг, будто ударилось обо что-то твёрдое. Он действительно злится.

Ци Хань тут же шагнул вперёд, схватил его за руку, голос стал мягче, почти умоляющим:

— Да не за спиной... Я только хотел тебя позвать, а врач уже схватился за иглу. Он шустрый, я не успел.

Фу Гэ лишь фыркнул, но всё-таки сел рядом, взгляд скользнул к катетеру в руке врача.

— Сколько?

— Двадцать миллилитров, совсем немного.

Фу Гэ сжал губы, ничего не сказал, просто протянул руку, провёл по лбу Ци Ханя — пальцы сразу стали влажными.

— Что, теперь страшно?

— Хм... Похоже, я никогда не смогу с этим справиться. Пробовал, но каждый раз одно и то же.

— И не надо. — Фу Гэ мягко приобнял его, заставляя уткнуться в свой живот. — Я же рядом, помнишь?

Ци Хань тихо засмеялся, звук получился приглушённым, будто отголосок чего-то давно забытого.

— Такое не забывается.

И в один голос, одновременно, они прошептали:

— Никогда не бойся. Я всегда буду рядом.

Впервые Ци Хань сдавал феромон, когда рядом был Фу Гэ. И впервые это было не больно.

Какое-то странное, щемящее чувство разлилось внутри, смесь удивления и чего-то ещё — настолько тёплого, что оно жгло.

— Гэ... — он закрыл глаза, голос звучал тихо, будто в страхе спугнуть это тепло, и в то же время дрожал от мольбы, — обними меня крепче...

Всё, что было тогда, вспыхивало в памяти резкими, пронзительными вспышками — страх, беспомощность, ощущение, что тебя режут заживо, а ты даже кричать не можешь, что никто не услышит, что никто не придёт, и когда врач только коснулся его кожи, он уже напрягся, а когда игла проткнула плоть, у него вздрогнуло даже сердце, в глубине груди сжалось, отзываясь болью на воспоминания, которые, казалось, он уже забыл.

— А-а... — Ци Хань стиснул зубы, сквозь сжатую глотку вырвались два глухих, болезненных звука, тело вздрогнуло, а холодный пот тяжёлыми каплями стекал по коже.

Фу Гэ чувствовал, как он дрожит в его руках, даже сквозь одежду ощущал этот леденящий пот, пропитавший ткань, и только сильнее прижал его к себе, уткнувшись губами в висок.

— Всё хорошо, А-Хань, не бойся, я здесь, слышишь? Я рядом, и я всегда буду рядом...

Боясь, что тот может прикусить язык, он без лишних раздумий сунул в его рот палец, почувствовал, как Ци Хань замотал головой, отказываясь, но в тот же миг врач вынул иглу, двинул её слишком резко, игольное острие прошло по мышце, и Ци Хань не выдержал, сдавленно рванулся вперёд и с силой стиснул зубами чужую кожу.

— Мм... — Фу Гэ тихо застонал от боли, но тут же сжал губы, не проронил ни звука, и как только Ци Хань разжал челюсти, быстро выдернул руку, но его пальцы тут же были перехвачены.

На бледной коже, прямо под первым суставом, расцвёл ряд красновато-лиловых следов, а в одном месте из глубокой отметины выступили крошечные капли крови.

— Я... я до крови тебя укусил... — на губах Ци Ханя осталась алая полоска, он тяжело дышал, сжимая его запястье дрожащими пальцами, в глазах смешались ужас, вина и что-то ещё, тянущееся из самой глубины души.

Но Фу Гэ только усмехнулся, выдернул салфетку, лениво смахнул с кожи кровь и, даже не моргнув, спросил:

— А ты мне сейчас скажи, ты ведь чувствовал себя хуже, да?

— Немного... — губы дрогнули, голос звучал глухо.

Фу Гэ улыбнулся шире, посмотрел на него светло, почти с нежностью, и легко сказал:

— Тогда оно того стоило.

Результаты теста не могли появиться мгновенно, требовалось подождать несколько часов, и за это время Фу Гэ буквально извёл себя тревогой. Выходя из кабинета, он то и дело оборачивался, не в силах отвести взгляд от анализатора, шагал рассеянно, явно думая совсем не о том, куда идёт, и в итоге, заворачивая за угол, едва не споткнулся.

— Осторожнее.

Ци Хань, словно и ждал этого момента, подхватил его за воротник, рывком притянул к себе и, не мешкая, поднял на руки, легко и уверенно.

— Эй! Опустить меня сейчас же! Я же сказал, не двигайся лишний раз! Если рану снова раскроешь, что будешь делать?!

Не успел он договорить, как получил лёгкий шлепок пониже спины, и Ци Хань, усмехнувшись, перекинул его удобнее, прижимая к плечу.

— Тебя носить — это вообще не нагрузка.

Фу Гэ вспыхнул, быстро огляделся, убедился, что вокруг никого нет, а потом, сдавшись, уткнулся носом ему в шею, бурча что-то под нос:

— Я же даже уколов не делал, могу сам ходить.

Ци Хань коснулся губами его носа, усмехнулся:

— Потерпи, дай мне хоть немного тебя поддержать.

Понимая, что ближайшие часы тот всё равно не сможет ни о чём думать, кроме анализов, Ци Хань даже не повёл его обратно в палату, а вместо этого донёс до второго этажа, в тихий угол коридора, где недавно появилось новое, запертое помещение.

Когда он поставил его перед дверью, Фу Гэ непонимающе нахмурился.

— Что это?

Ци Хань обнял его сзади, прижался губами к виску и тихо засмеялся, будто с лёгким укором.

— Даже кошки перед течкой заранее прячутся, а ты всё ещё ничего не чувствуешь, запутавшийся малыш.

Фу Гэ резко вскинул голову, удивлённо распахнув глаза.

— Ты имеешь в виду...

— Угу. Твой цикл начнётся через пять дней.

Он перевернул деревянную табличку, висевшую на двери, и вложил её в руки Фу Гэ.

На светлом фоне было аккуратно вырезано несколько округлых иероглифов.

— «Питомник для выкармливания птенцов»?

— Это твоя личная комната для изоляции.

Ци Хань наклонился, мягко коснулся губами кожи за его ухом, голос дрогнул от тепла и едва слышной грусти.

— Тогда, семь лет назад, ты так долго копил деньги, чтобы забронировать хоть одну маленькую комнату для изоляции, но тебя всё равно выгнали. Я помню это до сих пор.

Фу Гэ замер, его пальцы машинально пробежались по гладкой поверхности таблички, дыхание стало прерывистым, а в уголках глаз появилось предательское тепло.

— Так значит, ты сделал это для меня...

— Да.

Ци Хань глубоко вдохнул, глаза тоже покраснели, пальцы скользнули вниз, легли на место старого шрама, оставшегося на его животе.

— Семь лет вместе, но это будет первый раз, когда я смогу быть рядом в твой цикл. Какой же я был никудышный альфа, если позволил своему партнёру пройти через всё это в одиночку... даже не знал, что когда-то уже оставил на тебе метку...

У беты был всего один шанс на миллион, чтобы его могли пометить. Это был редкий, почти божественный дар.

И он сам его разрушил.

Сказать, что он не чувствовал сожаления, было бы ложью. Каждое упоминание о течке, о пожизненной метке заставляло Ци Ханя сжимать зубы от злости и боли, но сильнее всего разрывало изнутри осознание того, что он не сможет исправить прошлое.

— Неважно.

Фу Гэ сжал его руку, улыбнулся, хоть и сам испытывал ту же горечь, но всё равно попытался его успокоить:

— Если для любви нужна метка, то это не любовь. Если это ты, то даже один поцелуй — уже знак принадлежности.

Ци Хань тихо засмеялся, пальцами приподнял его подбородок и тут же сомкнул губы на маленькой, чуть влажной нижней губе, нетерпеливо её покусывая.

— Тогда я буду метить тебя каждый день, на каждом сантиметре.

Он был просто неизлечим. Стоило ему поймать Фу Гэ, как он тут же начинал прижиматься, впиваться губами, дразнить, наслаждаться каждым мгновением.

Когда он, наконец, его отпустил, губы маленького беты снова были припухшими, влажными, будто только что омытыми росой, а крошечная нижняя губка стала ещё ярче, оттеняя общую картину чего-то сладкого и запретного.

— Ты можешь целовать чуть меньше? — Фу Гэ недовольно потёр губы, глядя на него с укором.

— Они у меня опухли с тех пор, как ты очнулся, и даже не успели прийти в норму.

— Больно?

— Нет... — он задумчиво надавил на губы пальцами, поморщился. — Скорее, онемели.

Ци Хань хмыкнул, не удержался и снова втянул его язык, неторопливо пососал, прежде чем медленно отпустить, ухмыляясь вкрадчиво:

— Тогда сегодня ночью, когда Сяо Цзюэ уснёт, я поцелую что-нибудь другое.

Фу Гэ в раздражении сжал его ухо.

— А если не поцелуешь, что, умрёшь?

— Умру. — Ци Хань даже глазом не моргнул. — Если не поцелую, умру. Если не обниму, тоже умру.

Он уже полностью потерял стыд, этот альфа, идеально вылепленный природой, бесстыдно тёрся о шею маленького беты, сверкая глазами так, словно был не человеком, а огромным, избалованным золотистым ретривером.

— Если ты не дашь мне прикасаться к тебе, я просто не выживу.

Прошло пять лет разлуки, и Ци Хань понятия не имел, сколько ночей ему понадобится, чтобы восполнить все те утраченные минуты, но он точно не собирался отказываться от этой привилегии.

А Фу Гэ только посмеивался, наслаждаясь этим, нисколько не возражая.

— Ты всё больше похож на большую собаку.

Держа Ци Ханя за руку, Фу Гэ вместе с ним открыл дверь, шагнул внутрь — и застыл на месте.

Комната была совсем небольшой, но её уют пробирал до глубины души. Всё здесь было выполнено в насыщенных древесных тонах — стены, мебель, даже воздух будто пропитался этим тёплым оттенком. Взгляд сразу цеплялся за детали: по углам и стенам раскинулись искусно связанные из шерстяных нитей ветки, между ними уютными гроздьями прятались зелёные листья и крохотные цветки колокольчиков, а пол был полностью устлан пушистым, белоснежным ковром с длинным ворсом, в который ступни утопали, словно в облаке.

Ци Хань задумал эту комнату, как маленькое, спрятанное от мира дупло, но самое заметное в ней — гигантское гнездо, висящее прямо в центре.

— Врач сказал, что во время течки и беты, и омеги инстинктивно стараются окружить себя вещами с запахом партнёра, а ещё, подсознательно, начинают вести себя как птенцы, ожидающие, что мать их накормит, — Ци Хань мягко сжал его пальцы и повёл дальше. — Так что я решил сделать тебе вот это.

Он подвёл Фу Гэ к гнезду и провёл его ладонью по мягкому, пушистому краю. Внутри оно было наполнено чем-то невероятно тёплым и нежным, с такой приятной текстурой, что, коснувшись её, просто не хотелось отпустить.

— Я положил туда много своих вещей, в которых ходил каждый день, чтобы они хорошо впитали мой запах. А перед тем, как мы пошли на осмотр, я специально оставался здесь и долго выпускал феромоны, — голос у него был низким, чуть охрипшим. — Гэ, попробуешь?

Фу Гэ не мог вымолвить ни слова, только растерянно кивнул. Он помнил, как каждый раз, в полусне, его сознание туманилось, и он действительно ощущал себя крохотной, беспомощной птичкой, которая ждёт, когда её кто-то накормит, но сколько бы он ни оставался в гнезде, птичья мать так и не прилетала.

Он всё ещё стоял неподвижно, не решаясь пошевелиться, и тогда Ци Хань просто поднял его на руки и осторожно опустил в гнездо.

Оно было таким глубоким, что туда без труда поместились бы двое. Упав в него, Фу Гэ немного завалился на бок, по инерции пошевелился, стараясь устроиться удобнее, затем приподнялся, ухватился руками за край и выглянул наружу.

Выглядел он при этом до нелепости забавно — растрёпанный, ошеломлённый, с большими, широко распахнутыми глазами, точно маленький глупый птенец.

Любовь — это когда тебе кажется, что каждый миг, каждая деталь в любимом человеке восхитительны. И в этот момент Ци Хань чувствовал, как внутри него что-то тает, будто в его груди оказалось мороженое, пойманное солнцем, и оно под его взглядом медленно превращалось в тёплый, сладкий сироп.

— Удобно? — он обхватил ладонями его лицо, большим пальцем коснулся щеки, затем легко пощекотал кончик носа. — Феромонов не слишком много? Не давит?

Маленький бета долго-долго смотрел на него, в его глазах блестело тепло, и в конце концов он тихонько взял Ци Ханя за руку, прижал её к своему лицу и тёплыми щеками несколько раз ласково потерся о его ладонь.

— А-Хань, я правда... правда так сильно тебя люблю...

Когда он был счастлив, голос сам собой становился мягче, в интонациях звучала капризная нотка, а на конце фраз то и дело проскальзывал лёгкий восходящий изгиб, будто он напевал свои слова:

— Ты меня обнимешь? Ну пожалуйста?..

Ци Хань не заставил его ждать и секунды — сразу же забрался в гнездо, заключил его в объятия, прижал к себе так крепко, как только мог, осыпая короткими поцелуями макушку и кончики ушей.

— Такой хороший... правда, совсем как птёныш.

— В этот раз я больше не останусь один?..

У него не нашлось слов, чтобы ответить. Он просто прижимал его к себе, согревал, гладил его тонкие пальцы, наклонялся к плечу, оставляя на нём тихие, тёплые поцелуи.

Фу Гэ всегда любил, когда он держал его вот так.

— Я подготовился, — Ци Хань говорил тихо, голос был глубоким, но в нём сквозила нежность, в которую невозможно было не утонуть. — Прочитал всё, что только можно, про бет и течку. Разговорил врачей, узнал обо всех нюансах. Посмотрел обучающие видео.

Он медленно провёл рукой по его спине, скользнул ладонью к талии, как будто пытался запомнить каждую деталь его тела.

— Я заранее подготовлю себя. Хорошенько восстановлюсь. Откажусь от всего, что может повлиять на самочувствие, никакого масла, никакого сахара, никакой острой пищи, никакого стресса, ничего, что может вывести меня из равновесия. Я сделаю всё, чтобы быть рядом с тобой и не потерять контроль. Чтобы никогда не заставить тебя ждать. Никогда не заставить тебя просить. Тебе даже не придётся говорить, просто махни пальцем — я дам тебе всё.

Он слегка наклонился, двумя пальцами приподнял его подбородок, заставляя посмотреть на себя, а потом мягко, почти невесомо поцеловал в уголок глаза.

— Я хочу, чтобы у тебя был самый счастливый цикл на свете. Чтобы тебе больше никогда не приходилось завидовать тем, у кого есть альфа, который о них заботится.

Фу Гэ вздрогнул, веки дрогнули, длинные ресницы замерли на мгновение, а потом чуть подрагивали, когда он вдохнул и, глухо всхлипнув, втянул носом воздух.

— Теперь... теперь у меня тоже будет свой запах? Кто-то будет чувствовать мой феромон?..

Ци Хань сжал его крепче, в глазах блестела неуверенно дрожащая влага, а голос стал низким, охрипшим.

— Да...

— Теперь и у меня тоже будет тот, кто меня обнимет, позаботится обо мне, останется со мной, да?..

— Да...

— И меня больше никогда не прогонят?..

Ци Хань закрыл глаза, губами коснулся его виска, и голос его прозвучал как клятва:

— Никогда.

— Какой же ты хороший... Ты правда готов довольствоваться этим малым? Этого тебе достаточно?..

— Да... — Фу Гэ затих у него на груди, глухо пробормотал: — Этого более чем достаточно. Это... это уже намного лучше, чем когда-либо было. Это... хорошо...

Чем меньше он просил, тем сильнее болело сердце. Как будто перед ним стоял ребёнок, который слишком долго жил в голоде, слишком привык к холоду, чтобы знать, что такое тепло, и теперь, получив всего один кусочек сладкого, уже готов был благодарить, будто ему отдали целый мир.

— Я не жду, что ты забудешь всё, что было, — голос Ци Ханя звучал хрипло, он ласково провёл ладонью по его волосам. — Я просто хочу, чтобы однажды хорошие воспоминания полностью заслонили плохие.

Он опустил голову чуть ниже, поцеловал его в висок, прошептал прямо в его кожу:

— Чтобы через пять, через десять лет, когда ты снова вспомнишь о течке, о метке, о нас в восемнадцать, у тебя в голове остались только счастливые моменты. Чтобы ни капли боли, ни крупицы отчаяния, ни следа темноты.

Он провёл губами по его виску, по мягким, разгорячённым волосам, обнял ещё крепче, как будто мог согреть его всем теплом, что носил в себе.

— Моя птичка, даже в снах ты должен быть счастлив.

Фу Гэ, пропитанный его запахом, смягчённый, разнеженный, растаявший в каждом молекулярном оттенке его феромона, лениво развернулся в его объятиях, обвил его шею и, не отводя глаз, медленно потянулся к застёжке на одежде.

Прикосновения его пальцев были лёгкими, медлительными, точно не он сам, а кто-то невидимый, ноющий и беззащитный, тянулся изнутри, заставляя просить больше.

И мягким, нерешительным жестом он разомкнул ткань, доверчиво подставляя себя под его ладони.

— Трогай меня...

Ци Хань двигался медленно, осторожно, прикасался к нему так нежно, что даже неуловимые движения пальцев вызывали волны удовольствия, заставляя Фу Гэ тихонько вскрикивать, извиваться в его руках, тянуться за поцелуем, просить о большем.

Но как только атмосфера окутала их мягким, тёплым маревом, дверь внезапно содрогнулась от громких ударов, и голос Ци Чуаня разрезал воздух, разрушая всю томную негу одним-единственным предложением:

— Хватит развлекаться, результаты готовы.

Фу Гэ замер, в глазах мгновенно прояснилось, словно туман рассеялся, разорванный ледяным ветром. В следующую секунду он уже застёгивал одежду, спрыгивал с гнезда и, даже не взглянув в сторону Ци Ханя, направлялся к выходу.

Альфа проводил его взглядом, затем перевёл его на себя, осознал собственное состояние и ощутил, как внутри противно заныло, словно что-то изнутри впилося в кожу и царапало нервы.

Только он хотел что-то сказать, как Ци Чуань вдруг нахмурился, скользнул по нему взглядом и резко спросил:

— С твоими феромонами... что за хрень?

Он провёл у двери всего несколько минут, но уже чувствовал, как голова пошла кругом, будто вокруг Ци Ханя стояла плотная, невидимая стена, отталкивающая всех, кто был хоть немного слабее. По пути сюда он тоже чувствовал это давление, непреодолимое, давящее, почти инстинктивное желание держаться как можно дальше.

Но он ведь тоже был 3S.

И его феромон принадлежал той же категории.

По логике вещей, он не должен был так легко подчиняться чужому присутствию.

Ци Хань расстёгивал последние пуговицы, лениво обнял Фу Гэ за плечи и бросил небрежно:

— Что опять не так? Я же деградировал, чего тебе бояться?

— Не носи чушь! — Фу Гэ тут же дёрнул его за ухо, недовольно нахмурился. — Плюнь-плюнь-плюнь!

Ци Чуань закатил глаза, махнул рукой и вздохнул.

— Я не могу это объяснить. Но ещё в тот день, в резиденции, когда ты спасал Фу Гэ, твои феромоны взорвались так, что в радиусе комнаты никто даже подойти не мог. А я ведь тоже 3S, и моя категория совпадает с твоей, так что в теории такого просто не могло случиться.

— Да нормально всё. — Ци Хань пожал плечами. — Я с детства сталкивался с альфами того же уровня, и знаешь, сколько их понадобилось, чтобы сравниться со мной?

Больше, чем одна комната.

Ци Чуань замер, потрясённо вытаращив глаза.

— Ты называешь это нормальным?!

Фу Гэ тоже задумался, между бровями залегла лёгкая тень сомнения, он сосредоточенно посмотрел на него, пару секунд что-то обдумывал, а потом внезапно в голове мелькнула мысль.

— Может быть... — он прищурился, поднял голову, глядя ему прямо в глаза. — Может быть, ты никогда не был просто 3S. Просто это максимальная категория, официально зарегистрированная в мире.

— Ты хочешь сказать, что это ещё не до конца раскрытая скрытая дифференциация? — приподняв бровь, уточнил Ци Чуань.

Ци Хань лишь усмехнулся:

— Серьёзно, малыш? Ты думаешь, мне настолько повезло? Ты же не хочешь сказать, что шанс один на миллион вдруг свалился прямо на меня, будто я какая-то перевоплотившаяся золотая рыбка?

Но, как оказалось, именно так всё и было.

Врач молча протянул им кипу распечатанных анализов, и по выражению его лица было ясно, что он осознаёт всю значимость происходящего.

— Уровень феромонов председателя Ци действительно упал.

Фу Гэ побледнел. Всё в нём сжалось, ноги будто подкосились, и он тут же опустился в кресло, с трудом выдавливая слова, в которых слышалась настоящая дрожь:

— Значит... он теперь... 2S?..

Врач покачал головой:

— Нет. Не 2S.

Он выдержал паузу, позволив тревоге достичь пика, затем выпрямился, посмотрел им в глаза и сказал ровно, чётко, с лёгким оттенком торжества:

— Он больше не принадлежит к классу S.

— Это... невозможно! — голос Фу Гэ сорвался, пальцы стиснулись в кулаки. — Вы... вы, должно быть, ошиблись! Даже если уровень снизился, как он мог упасть настолько, что совсем вышел из системы S?!

Но в следующую секунду врач вскинул голову, и его тон внезапно изменился, наполнившись напряжённым возбуждением:

— Потому что председатель Ци пять дней назад завершил вторичную дифференциацию. Теперь он — Энигма.

— Ч... что?..

Фу Гэ застыл. Ци Хань застыл. Все, кто находился в кабинете, в один миг словно окаменели.

И только врач, сияя от энтузиазма, продолжал объяснять:

— Альфа имеет ничтожную вероятность пройти повторную дифференциацию и эволюционировать в Энигма. С момента открытия этого феномена в стране официально зарегистрировано меньше десяти таких случаев!

— Это пол, который превосходит даже альфа высшего класса. Он обладает способностью оставлять пожизненную метку абсолютно на всех, будь то альфа, бета или омега. Воспаление железы было вызвано процессом трансформации, а ваш уровень феромонов больше невозможно измерять в системе S. На данный момент ваш показатель составляет 2E. Поздравляю!

В комнате наступила полная тишина.

А затем она взорвалась ликующими криками.

Медсёстры, врачи, ассистенты — все осознали, что стали свидетелями чего-то невероятного.

Фу Гэ, всё ещё ошеломлённый, с глазами, полными слёз, схватил Ци Ханя за руку, сжимая её так крепко, будто боялся, что всё это просто сон, который может рассыпаться в любую секунду.

— Ты не деградировал... ты не деградировал! — он снова и снова повторял, будто пытаюсь убедить самого себя. — Ты теперь один из десяти во всей стране!

Единственный, кто не поддался общей эйфории, был Ци Чуань. Он быстро уловил суть происходящего и, помедлив всего пару секунд, щёлкнул пальцами, а затем ткнул в сторону Ци Ханя, словно обозначая важную деталь.

— Стоп. Кажется, вы оба упустили кое-что гораздо более важное.

Он чуть прищурился, улыбка в уголках губ была насмешливой, но в глазах мелькал настоящий интерес.

— Ты теперь Энигма. Это значит, что ты можешь оставлять пожизненную метку на всех. Включая... бета.

Фу Гэ замер. Его глаза широко распахнулись, дыхание сбилось, будто его только что огрели чем-то тяжёлым по голове.

— Точно... — он тупо уставился в никуда, обдумывая сказанное. — Я ведь... я ведь и правда бета...

Но едва осознание дошло до сознания, как его тут же подхватили крепкие руки, и он с тихим возгласом взлетел в воздух.

Ци Хань поднял его, закружил, не сдерживая эмоций, глядя на него так, словно в мире больше не существовало ничего, кроме них двоих.

— Значит, я могу оставить на тебе метку?! — его голос срывался от волнения. — У нас ещё есть шанс?!

Радость в его глазах была настолько яркой, что казалось, она освещала всё вокруг. Он прижимал Фу Гэ к себе, кружил его, словно ребёнок, который наконец получил свою самую заветную игрушку, и даже его дыхание дрожало от переизбытка эмоций.

— Мы можем! Мы можем это сделать!

Он не пытался скрыть счастье, не пытался сдерживать слёзы, которые вдруг сами собой навернулись на глаза.

— Чёрная полоса закончилась! Чёрт возьми, я снова выиграл!

<http://bllate.org/book/14453/1278359>